

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12(2)
2020

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

- В.И. Шишкин — К биографии генерал-лейтенанта
В.Г. Болдырева: новые источники 4

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- С.В. Куликов, П.А. Трибунский — Николай II, Совет министров и польский вопрос летом 1916 г. (по новым документам из архива А.Н. Яхонтова). 30

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- В.Л. Пянкевич — «Это бедствие, пожалуй, хуже бомбежки»: пожары блокадного Ленинграда в восприятии ленинградцев 50

- М.В. Девейкис — История строительства музеев Петербурга в эпоху Николая II 60

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- В.В. Аниkin — Социальная география колхозной деревни Российской Федерации в 1948—1953 годах 69

- С.Б. Ульянова, И.В. Сидорчук — «Мрачное прошлое» петербургских рабочих в символическом пространстве Ленинграда 1920-х гг. 85

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

«Мрачное прошлое» петербургских рабочих в символическом пространстве Ленинграда 1920-х гг.

С.Б. Ульянова, И.В. Сидорчук

Аннотация. Статья посвящена изучению опыта обращения советской пропаганды к истории повседневности на примере создания отрицательной памяти о дореволюционном прошлом в жизни петербургских рабочих. Исследовав научный и агитационный дискурс, авторы пришли к выводу, что картины повседневной жизни рабочих периода царизма были неотъемлемой составляющей формирования бинарной оппозиции «тогда» — «сейчас», подразумевавшей максимальную дискредитацию дореволюционного периода в глазах населения.

Ключевые слова: история повседневности, политика памяти, рабочая история, Петроград/Ленинград, городская история, историческая символика.

Abstract. The article examines the experience of Soviet propaganda to the history of everyday life by creation a negative memory of the past life of pre-revolutionary St. Petersburg workers. Having studied the scientific and agitation discourse, the authors came to the conclusion that the pictures of the daily life of workers during the tsarist period were an integral part of the formation of the binary opposition “then” — “now”, which implied the maximum discrediting of the pre-revolutionary past in the eyes of the population.

Key words: history of everyday life, politics of memory, working history, Petrograd/Leningrad, urban history, historical symbols.

Одной из неотъемлемых составляющих политики большевиков после прихода к власти стала выработка эффективной стратегии мемориализации — задача, актуальность которой осознается любым современным государством. Создание нового общества требовало борьбы не только за будущее, но и за прошлое. В кратчайшие сроки сформировался принципиально иной, отличный от имперского, подход к отечественной истории.

Ульянова Светлана Борисовна — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: oulianova@mail.spbstu.ru; Сидорчук Илья Викторович — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета; доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: i.sidorchuk@spbu.ru.

Ulyanova Svetlana B. — DSc (History), professor of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. E-mail: oulianova@mail.spbstu.ru; *Sidorchuk Ilya V.* — PhD (History), associate professor of Saint Petersburg State University; associate professor of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. E-mail: i.sidorchuk@spbu.ru.

Нащупывая методы социальной инженерии, большевики учитывали неудачный, в целом, опыт начала XX в., когда монархия тщетно пыталась консолидировать общество с помощью пышных юбилейных торжеств¹.

Особенностям советской политики в области памяти посвящен целый ряд исследований, в которых, в частности, обращается внимание на ее значение для новой власти², активное использование новых способов агитации³, практику соединения методов массовой пропаганды с политическим контролем и репрессиями при продвижении того или иного концепта прошлого в сознание общества⁴. Также эти вопросы попадают в сферу внимания специалистов, занимающихся изучением различных составляющих большевистской культурной революции. В частности, ревизионизм в отношении прошлого был характерен для кампаний по перестройке быта⁵, процесса женской эмансипации⁶, интеграции физкультуры и спорта в повседневность⁷, перестройке высшей школы⁸.

Характерной особенностью политики советской власти в области прошлого было формирование бинарной оппозиции «тогда» — «сейчас», подразумевавшей исключительно отрицательные оценки дореволюционного времени и его максимальную дискредитацию в глазах населения. Так, большинство утвержденных партией лозунгов к десятой годовщине Октябрьской революции строилось именно на оппозиции прошлого и настоящего («СССР — единственное в мире государство, где земля и фабрики принадлежат трудящимся», «Октябрьская революция превратила дворцы князей и богачей в ремонтные мастерские здоровья трудящихся масс» и др.). Причем впоследствии эта пропасть между «темным» прошлым и «светлым» настоящим лишь усиливалась⁹.

Основным объектом государственной политики в области памяти являлся городской рабочий класс, рассматривавшийся как основной выгодоприобретатель и последовательный защитник новой власти. В связи с этим именно города, островки индустриализации на карте страны, места концентрации пролетарского населения, стали «центрами трансляции коммунистической идеологии, где началось формирование ландшафта коллективной памяти, создававшегося на основе новых идейных оснований, менявших облик обжитой среды»¹⁰. Город активно наполнялся новыми визуальными символами и сам становился этим символом.

Особая роль отводилась Петрограду/Ленинграду — «малой родине» революции, одному из главных промышленных центров страны. Он считался одним из мест рождения революционного рабочего движения, воспитания сознательных рабочих, не только боровшихся с царизмом и принимавших участие в событиях Октября, но и сумевших отстоять его в Гражданскую войну. «125-летняя история “Красного Путиловца” начинается рабством и кончается господством рабочего класса. Начинается темнотой, мраком, политическим невежеством и кончается политической сознательностью, производственной выдержкой и революционным энтузиазмом краснопутиловских рабочих», — в этих словах «Красной газеты», приуроченных к юбилею одного из крупнейших заводов города, отразилась сложившаяся в 1920-е гг. легенда о питерском пролетариате¹¹. Город контрастов, столичного блеска центра и бедности окружавших его заводских окраин — в глазах создателей новой идеологии он идеально встраивался в концепцию противопоставления прошлого настоящему.

Несомненным достижением советских пропагандистов стал иной масштаб внедрения соответствующих коммунистической идеологии стереотипов прошлого — не только через создание нового пантеона героев или списка значимых дат (традиционный способ выстраивания политики в области памяти), но и через внимание ко всему спектру повседневной истории. Речь шла об условиях труда и быта, культурных и девиантных досуговых практиках, социальных отношениях — то есть истории, создававшейся «типичным» человеком прошлого и адресованной такому же «типичному» человеку настоящего.

Стоит отметить, что в 1920-е гг. материальное пространство рабочих окраин мало изменилось по сравнению с дореволюционным периодом. Большевикам не удалось сломать прежнюю схему районирования города, программа переселения пролетариев в «буржуйское» жилье фактически провалилась. Рабочие трудились в тех же (только более обветшалых) цехах, на том же оборудовании, жили на тех же квартирах вблизи своих предприятий. Зачастую они подчинялись тем же мастерам и инженерам, с которыми имели дело до революции. Поэтому создание оппозиции «тогда — сейчас» было возможно только символическими средствами, путем производства особого дискурса.

Стилистика описания тяжелой жизни петербургских рабочих была создана еще «пролетарской» (и не только большевистской) прессой в дореволюционный период¹². После революции она перекочевала в зарождающуюся историографию рабочего движения и истории партии. Характерной ее особенностью была специфическая источниковая база проводимых исследований. Кроме рассекреченных и активно публикуемых документов, это были данные устной истории, полученные из бесед с непосредственными участниками революционного движения, и воспоминания самих историков-партийцев, значительная часть из которых находилась в эпицентре политической и революционной борьбы. Весьма интересны в данном случае «вечера воспоминаний», целью которых было создание некой единой коллективной памяти о революции¹³. Основными центрами данной работы стали основанные в 1920 г. Комиссия по изучению истории профессионального движения в России и СССР (Истпроф) и Ленинградское бюро Комиссии по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции (Истпарт). Показательны слова из предисловия к сборнику Истпарты, посвященному революционной деятельности петроградских рабочих в 1917 г.: «... в высшей степени мало известно и мало написано о том, что происходило на самих фабриках и заводах — этих главных гнездах и очагах революции. У каждого завода и фабрики есть своя революционная быль, есть кое-где и ее следы в виде протоколов заводских собраний, резолюций, воспоминаний отдельных товарищей и много живых свидетелей нашего славного революционного прошлого»¹⁴. Подготовленные Истпрофом и Истпартом материалы заложили основы научно-исследовательской и издательской работы в области истории рабочего движения и создали картину «тяжелого прошлого» рабочих столицы. Кроме этого, важной особенностью их деятельности было не только накопление историко-партийных знаний, но и их широкая пропаганда путем устройства лекций, вечеров воспоминаний, привлекавших рабо-

чих, написания сценариев историко-революционных фильмов, организации выставок¹⁵.

Описание повседневной жизни рабочих было неотъемлемой деталью практически любой статьи или воспоминаний, посвященных революционному прошлому города. Вот один из характерных примеров: «Я — дочь прачки. С 13 лет работаю на фабрике. Тогда она принадлежала Мальцеву, а ныне наша — Октябрьская (Прядильно-ткацкая фабрика на Выборгской стороне — С.У., И.С.). Там прошли мои лучшие молодые годы. Воспитание получила, как и все мы работницы, в своей трудовой семье. Тяжело было жить — до сих пор вспоминаются годы гнета, насмешек, издевательства. Я часто задумывалась тогда: неужели всю жизнь придется мучиться? Неужели нет выхода?»¹⁶ Один из первых рабочих социал-демократов, известный деятель революционного движения Г.М. Фишер в своих воспоминаниях рассказывал, как в 15 лет, оказавшись учеником на заводе Гольдберга в Петрограде, был вынужден вести бедственное существование, ютиться в переполненных рабочих общежитиях и квартирах, где ежедневно происходили пьянянки¹⁷.

Материалы по истории профессиональных союзов в Петербурге/Петрограде регулярно публиковались в журнале Всероссийского центрального совета профсоюзов «Вестник труда». Так, бывший работник конфетно-шоколадной фабрики А. Пирейко вспоминал: «Жили конфетчики в самых отвратительных условиях. Считалось роскошью, если кто имел койку. Обычно в одной комнате было наставлено столько коек, сколько там, вообще, можно поместить, и каждую из них занимало по 2 человека. В одной комнате жили без различия пола, т.е. 2 холостяка занимают одну койку и 2 девушки — рядом другую»¹⁸. При этом он отмечал, что «была среди этой части пролетариата маленькая горсть кондитеров, сносно оплачиваемых, которые представляли собой так называемую aristokratию рабочего класса», но она «сознательностью не отличалась» и «всегда выделялась своей приверженностью к хозяевам и враждебностью к остальной массе рабочих»¹⁹. Член союза булочников описывал случай, когда на Всероссийской гигиенической выставке летом 1913 г. в Петербурге союз представил свои экспонаты, продемонстрировавшие жуткие картины повседневной жизни рабочих: грязные рубашки, фартуки и кондитерские кастрюли, шокирующие публику данные фабричных инспекторов, цифры употребления спиртных напитков, распространения венерических и кожных болезней среди пекарей²⁰.

Во всех исследованиях неизменно подчеркивались невыносимые условия труда и быта петербургских рабочих, их «чрезвычайно тяжелое экономическое положение», плохие жилищные и санитарные условия, грубое отношение со стороны начальства²¹. Подобные материалы также публиковались в выпускавшемся Ученой Комиссией по исследованию труда в России сборнике «Архив истории труда в России». В частности, там приводились отрывки из составленной по просьбе правления Балтийского завода записки А.Н. Чиколова, посвященной уровню жизни рабочих (1901 г.). В ней он обращал внимание на необходимость принятия неотложных мер по его повышению: «При наших же условиях быта рабочих в столице, когда рабочий помещается с семьей по большей части в темном и тесном углу, ему не представляется возможным ни отдохнуть,

ни приткнуться как-нибудь для работы. Эти условия, под гнетом подавляющей нужды семьи, скорее заставят рабочего покинуть дом и идти в трактир — единственное место, где он может отвести душу»²².

Еще одна характерная особенность образа дореволюционной рабочей повседневности — ее связь с девиантными практиками. Новая власть не могла моментально преобразовать неблагополучные городские промышленные окраины и поэтому стремилась вытеснить их неприглядный образ в область прошлого, сделав неотъемлемой частью пейзажа, которому нет места в будущем. Это прекрасно видно из публицистических работ, посвященных наиболее распространенным девиациям. Низкий заработок в условиях капитализма толкал фабричных работниц к занятию проституцией, а холостых мужчин-рабочих — к потреблению их услуг²³. Одной из наиболее актуальных проблем, унаследованных от «царского режима», было хулиганство, обычно связанное с пьянством. На диспуте о хулиганстве 25 октября 1926 г. рабочий завода им. Макса Гельца Иванов, выступая в прениях по докладу Н. В. Крыленко «Что такое хулиганство?», делился своими воспоминаниями: «У меня 30-летний рабочий стаж. Я могу с вами поделиться тем, что я знаю о том, как росло хулиганство в нашем рабочем кругу, как с малых лет мы, шаг за шагом приучались к алкоголю и хулиганству. Родители наши, не обладая большими средствами, отдавали нас с малолетства в ученье на фабрику или в мастерскую, где нам приходилось работать по 12, а порой и по 14 часов. Нам приходилось вращаться среди взрослых рабочих, зараженных разного рода пагубными привычками. Мы с 10-летнего возраста дежурили у казенки, когда нас посыпали взрослые за водкой. А когда парень подрастал и начинал зарабатывать деньги, тогда он вместе с товарищами складывался и покупал водку уже для себя. Несознательные рабочие таскали нас в дома разврата. В домах разврата товарищи приучались ко всему и постепенно, шаг за шагом выходили на улицу. Я думаю, что все еще помнят, как целый ряд фабрик и заводов шли стенкой друг против друга. Мне приходилось быть наблюдателем, как Невский судостроительный завод, Александровский вагоностроительный завод и текстильная фабрика Торnton сходились, и как начиналась драка на льду. Отсюда молодежь приучалась чесать свои кулаки о чужие морды»²⁴.

Регулярно краткие заметки-воспоминания публиковались в заводских многотиражных газетах, получивших распространение в середине — второй половине 1920-х гг. Эти издания были призваны максимально доходчиво донести официальную идеологию до рабочего, своего главного читателя, что относилось и к области исторической памяти. Обычно такие материалы публиковались накануне революционных праздников с целью демонстрации достижений новой власти и передачи памяти молодым работникам и работницам от старших товарищей. Вот что писала, например, работница телефонного завода «Красная Заря» (до революции — завод «Л. М. Эрикссон и К°») в номере, посвященном Международному женскому дню: «Работали с 6—7 ч. утра до 8 веч. с 1 часом обеденного перерыва. Жара в мастерских была до 40°, работницы падали в обмороки, их обливали холодной водой и на носилках выносили в “приемный покой” — немного оправившись и опять работать. Домой в таких случа-

ях не отпускали. Женщины ходили в положении до последней минуты и прямо с работы отправлялись в родильный приют. ... Вентиляторов не было, а окон нельзя было открыть. ... Провинившихся подростков били мастера. Женщин ругали площадной бранью, а если были случаи протеста, то протестующие получали расчет»²⁵. Работа на фабрике в дореволюционном Петербурге приравнивалась к каторге: «... подневольный, каторжный труд на паука-капиталиста, труд, продолжавшийся ежедневно 10—12 и больше часов, труд, выматывавший соки и нервы и доводивший до полного изнеможения рабочего»²⁶.

Официальный дискурс прошлого учитывал и подростковую аудиторию. В изданиях, адресованных детям, создавался образ Ленинграда — города Великого Октября, главными достопримечательностями которого были не только дворцы и парки, но и промышленные окраины, где творилась революция: «Заветная мечта наших пионеров — посмотреть город Ленина. Эту мечту мы надеемся осуществить в дни Октября. В Ленинграде мы посетим и посмотрим все исторические памятники — музей (речь, видимо, идет о Государственном музее Революции — С.У., И.С.), площади, дворцы, заводы и фабрики»²⁷. Постоянным рефреном звучали слова о том, что только большевики покончили с эксплуатацией детского труда. В частности, именно эта мысль была центральной в выступлении Н.К. Крупской на конференции для пионеров, посвященной 10-летию революции. Если раньше ребенок с восьми лет «тянул фабричную лямку», то советская власть отправила его в школу²⁸.

На то, чтобы стать наиболее действенным средством утверждения новой памяти о дореволюционном прошлом, претендовало кино. Визуальные средства наглядно могли продемонстрировать ужасы дореволюционного фабрично-заводского быта. Такие картины, как «Стачка» С. Эйзенштейна (1924 г.) и «Мать» В. Пудовкина (1926 г.) демонстрировали типичную дореволюционную фабрику, где царили социальная несправедливость, угнетение рабочих, пренебрежительное к ним отношение. Городские окраины показаны как пространство бедности, пьянства, неприемлемых бытовых условий. Непосредственно к городу на Неве В. Пудовкин обратился в фильме «Конец Петербурга» (1927 г.). Его главные герои — типичные столичные рабочие — вчерашние «пензенские, новгородские, тверские» крестьяне, которых нужда заставила покинуть родные деревни. Петербург встречает новых жителей угрюмыми металлическими памятниками царям, тяжестью камня, пасмурным небом и дымом фабрик. Он пытается подавить и подчинить молодого рабочего, обрекая его на тяжкий труд и бедную полуголодную жизнь в сыром подвале. Город не дарит свободу и радость, а высасывает молодость и силу. Только Октябрь покончил с этим: больше «нет Санкт-Петербурга», ему на смену пришел «город Ленина».

Основным препятствием на пути утверждения нового образа прошлого стало его несовпадение с живой памятью о нем. В 1920-е гг. уровень дохода рабочих, в сравнении с дореволюционным периодом, не повысился. То же можно сказать и об условиях труда и быта. Громкие заявления о том, что теперь рабочий является настоящим хозяином фабрик и заводов, в условиях постоянного повышения интенсивности труда, беспросветной бедности и легализованного нэпом социального не-

равенства были слабым утешением. Судя по материалам ОГПУ, многие ленинградские рабочие, в том числе и партийные, открыто говорили об этом и между собой, и на собраниях. Так, работник Подковного завода, член ВКП(б) в год десятилетия революции заявлял: «Хотя мы достигли довоенного количества продукции, но по качеству и цене далеко отстали. Заработка по сравнению с довоенным очень низок. Крестьяне еще в худшем положении, так как их продукция совершенно обесценена. Квалифицированные рабочие лишены “человеческих условий существования”»²⁹.

Описание тяжелых условий существования рабочих до революции не могло не сопровождаться упоминаниями о классовой борьбе в различных ее формах — от забастовок до бесцеремонных «вывоза на тачке» или «обувания в лапти»³⁰. При этом, бичуя старые порядки, власти, в то же время, осуждали возврат к знакомым протестным практикам в новой советской действительности. Между тем, формы рабочего активизма сохранились именно с дореволюционных времен, и, напоминая рабочим о том, как они или их отцы боролись с произволом мастеров, высокомерием инженеров, унижениями и эксплуатацией со стороны администраторов, власти невольно подсказывали, какие методы рабочие могут применить к столь же грубым советским хозяйственникам. Так, материалы политического контроля показывают, что «трения с администрацией иногда доходят до того, что рабочие собирались того или иного специалиста или даже директора вывезти на тачке»³¹.

Живым напоминанием рабочим о старых временах стало введение на предприятиях трестиированной промышленности «Правил внутреннего распорядка», во многом списанных с дореволюционных. В информационных материалах зазвучали жалобы на «жандармское отношение к рабочим», на то, что «современные внутризаводские правила мало чем отличаются от царских», что «новая неволя гораздо хуже, чем при самодержавии»³².

Таким образом, политика советского руководства в области исторической памяти в 1920-е гг. включала в себя стремление создать максимально негативный образ периода царизма. Его неотъемлемой составляющей были картины производственной и бытовой повседневности рабочих — социальной опоры новой власти — обязанных чувствовать качественное улучшение своей жизни, последовавшее за революцией. Данный подход был весьма удачным решением, так как практически не требовал серьезных искажений фактов. Жизнь обитателей рабочих окраин дореволюционного Петербурга действительно представляла собой печальное зрелище: бедность, антисанитария, скученность, пьянство, тяжелый и вредный для здоровья многочасовой труд. При этом рабочая среда представлялась творцами новой истории более однородной, чем была в реальности. Факт существования высокооплачиваемых квалифицированных рабочих либо сознательно замалчивался, либо они показывались предателями интересов своего класса. В то же время, напоминая о темных сторонах дореволюционной эксплуатации, власть актуализировала известные формы борьбы с нею и невольно подпитывала традиционную цеховую культуру, с которой ей пришлось решительно бороться в годы первой пятилетки.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20—011—32017.

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20—011—32017.

1. ЦИМБАЕВ К.Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX — начала XX веков. — Вопросы истории. 2005. № 11, с. 98—107.
2. КОЗНОВА И.Е. Прошлое в пространстве советской культуры и политики. — Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4, с. 266—271.
3. РОСТОВЦЕВ Е.А., СОСНИЦКИЙ Д.А. Средневековые события и герои в советских отрывных календарях. — Новейшая история России. 2017. № 3 (20), с. 163—181.
4. ПОРШНЕВА О.С. «Империалистическая война» в большевистской политике памяти: институциональный аспект (1920—1930-е годы). — Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1, с. 153—167.
5. SHAW C. “A fairground for ‘building the new man’”: Gorky Park as a site of Soviet acculturation. — Urban History. 2011. Vol. 38. No 2, p. 332.
6. GORSUCH A.E. “A Woman is Not a Man”: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921—1928. — Slavic Review. 1996. Vol. 55. No. 3, p. 656.
7. GRANT S. The Politics and Organization of Physical Culture in the USSR during the 1920s. — The Slavonic and East European Review. 2011. Vol. 89. No. 3, p. 494—515.
8. NEUMANN M. “Youth, it’s your turn!”: generations and the fate of the Russian Revolution (1917—1932). — Journal of Social History. 2012. Vol. 46. No. 2, p. 273—304.
9. УЛЬЯНОВА С.Б. Первое десятилетие Октября в системе советской пропаганды. — Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. История. Вып. 2, с. 160.
10. КРАСИЛЬНИКОВА Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). 2-е изд. Новосибирск. 2015, с. 4.
11. Красная газета. 1926. № 76(2419). 3 апреля, с. 5.
12. ФЕДЬКИН А.В. Материально-бытовое положение петербургских рабочих в годы первой русской революции в освещении «пролетарской» прессы. — История повседневности. 2016. № 2, с. 34—42; УЛЬЯНОВА С.Б. «Заводской ад» или «дворец труда»? (Производственная повседневность в советской литературе 1920-х годов). В кн.: История и литература: Матер. Всерос. науч. конф. (под ред. Ю.В. Кривошеева). СПб. 2017, с. 52—60.
13. ХУДЗИК С.Ю. «Научная» история и «воспитательные» примеры: дискуссия об исторической достоверности на «вечерах воспоминаний» ленинградского истпарта в середине — конце 1920-х годов. — Вестник Пермского университета. 2018. № 3(42), с. 15.
14. Предисловие от Ленинградского Истпарта. В кн.: Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов. 1917. Статьи, воспоминания и документы (под общ. ред. П.Ф. Куделли). Л. 1924, с. 5.
15. ЛЕЙКИНА И.Т. Ленинградский истпарт, 1920—1930 гг. Автореф. ... канд. ист. наук. Л. 1980, с. 14—15.
16. БАСУРМАНСКИЙ А., ТАНК А. Рукой и сталью. Воспоминания работниц о годах великой борьбы с капитализмом, 1905—1921 гг. Л. 1927, с. 18.
17. ФИШЕР А. (Генрих Матвеевич). В России и в Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890—1921 гг.). М. 1922, с. 6—7.
18. ПИРЕЙКО А. Профессиональный союз Конфектно-шоколадно-бисквитных фабрик Петербурга в период 1905—10 гг. (Из личных воспоминаний). — Вестник труда. 1924. № 10, с. 280.
19. Там же.
20. САФРОНОВ В. За что Петербургский союз булочников получил золотую медаль? — Вестник труда. 1924. № 10, с. 287—289.
21. ГРУЗДЕВ С. Из истории профессионального движения 1905 г. в Петербурге. В кн.: Материалы по истории проф. движения в Петербурге за 1905—1907 г. Сборник. Л. 1926, с. 29; ГУСЕВ А. Предпосылки первой русской революции. В кн.: Материалы по истории проф. движения в Петербурге за 1905—1907 г. Сборник. Л. 1926, с. 19—20.

22. БЛЕК А. Условия труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 года. (Балтийский и другие десять заводов). В кн.: Архив истории труда в России, выпускаемый Ученой Комиссией по исследованию труда в России. Кн. 2. Пг. 1921, с. 70.
23. ЦУККЕР Б. Проституция. Ее причины и борьба с ней. Харьков. 1927, с. 12—13; КАРОВ А. Н. Проституция и новый быт. 5-е изд. М. 1927, с. 8—9.
24. Хулиганство и преступление. Сборник статей. Л. 1927, с. 45.
25. ШКАРИНА. Что дала революция женщине. — Красная заря. 1929. № 5(34), с. 2.
26. Искореним рабство. — Красная заря. 1928. № 7 (11), 31 марта, с. 1.
27. Поедем в Ленинград. — Пионерская правда. 1927, № 27 (131). 8 октября, с. 3.
28. КРАСНОВСКИЙ М. Среди алых полотнищ. — Пионерская правда. 1927. № 32 (136). 13 ноября, с. 1.
29. Обзор политического состояния СССР за февраль 1927 г. (по данным Объединенного государственного политического управления). В кн.: «Совершенно Секретно»: Любянка Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Т. 5. 1927 г. М. 2003. URL: <http://istmat.info/node/25626>
30. О смеховых формах рабочего «своеволия» см., напр.: БЛАЖЕС В. В. Обычай публичного осмеяния заводской администрации как форма социального протesta рабочих в конце XIX — начале XX века и его отражение в современных горнозаводских преданиях. — Фольклор Урала. Свердловск. 1986. [Вып. 9]: Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса, с. 90—102.
31. Информационная сводка по Выборгскому району за июль 1923 г. ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 4915, л. 29; Сводка № 13 о настроении населения Ленинграда за июнь м-ц 1924 г. Там же, д. 5259, л. 89.
32. Сводка № 12 о настроении населения Ленинграда за апрель-май м-цы 1924 г. ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5259, л. 70; Инфсводка № 5 о политическом и экономическом состоянии Ленинградской губернии за период с 15-го по 21-е июня 1924 г. включительно; Инфсводка № 6 о политическом и экономическом состоянии Ленинградской губернии за период с 22-го по 30-е июня 1924 г. включительно. ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5905, л. 34, 37—38; Инфсводка по Ленинградской губернии по состоянию на 1 ноября 1924 г. ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5906, л. 125.